

На правах рукописи

Мясников Николай Станиславович

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н.Э.
СУРСКО-СВИЯЖСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ**

Специальность 07.00.06 – Археология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Ижевск – 2016

Работа выполнена в Государственном научном бюджетном учреждении «Академия наук Республики Татарстан», обособленном структурном подразделении «Институт археологии имени А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан»

Научный руководитель:

Бугров Дмитрий Геннадьевич – кандидат исторических наук

Официальные оппоненты:

Ставицкий Владимир Вячеславович - доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет», профессор кафедры всеобщей истории, историографии и археологии (г. Пенза)

Сташенков Дмитрий Алексеевич – кандидат исторических наук, ФГБУК «Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина», главный научный сотрудник отдела археологии (г. Самара)

Ведущая организация: ФГБУН ВПО «Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук» (г. Сыктывкар)

Защита состоится «15» июня 2016 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.275.01 при ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 2, ауд. 410.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4Б и на сайте <http://dissovet.udsu.ru/board/dm-212-275-0>.

Электронная версия автореферата и объявление о защите размещены на официальных сайтах ВАК Министерства образования и науки РФ <http://vak3.ed.gov.ru> и Удмуртского государственного университета <http://dissovet.udsu.ru/board/dm-212-275-0>.

Автореферат разослан «_____» _____ 2016 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук, доцент

Г.Н. Журавлева

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Первая половина I тыс. н.э. – время, объединяющее так называемый «период римских влияний» в Восточной Европе и начало эпохи Великого переселения народов, когда в сложном взаимодействии местного населения раннего железного века и многочисленных групп мигрантов формировались основы будущих средневековых «летописных» народностей.

Сурско-Свияжское междуречье (далее – ССМ) занимает важное место на карте Среднего Поволжья, находясь на стыке нескольких природных зон и крупных историко-культурных образований рассматриваемого периода (культура рязано-окских могильников, «древнемордовская», азелинская, с кон. IV-V вв. н.э. – именьковская и др.). Как любая контактная зона, этот регион весьма важен для выявления характера, направлений и динамики взаимодействия этих культурных феноменов между собой и с более отдалёнными регионами.

На данной территории локализуется довольно значительный массив археологических материалов, представляющий несомненный интерес при построении моделей исторических процессов древности. Несмотря на то, что памятники ССМ привлекали внимание исследователей с середины XIX в., далеко не все эти источники в полной мере введены в научный оборот, а современный уровень их осмысления отстает от соседних регионов и большинство из них до сих пор относят к городецкой или т.н. «позднегоড়েцкой» культуре. Археологические материалы поселенческих и погребальных памятников ССМ постоянно используются исследователями для выделения локальных вариантов и культур, а также в качестве аналогий при изучении отдельных сторон жизни древнего населения, однако недостаточная разработанность культурно-хронологической атрибуции памятников этого региона затрудняют включение его в общую археологическую концепцию историко-культурного развития лесной и лесостепной зон первой пол. I тыс. н.э. как Среднего Поволжья, так и Восточной Европы в целом.

Объект исследования – остатки материальной культуры населения ССМ первой половины I тыс. н.э. **Предмет исследования** – генезис и развитие археологических культур и типов памятников ССМ в первой пол. I тыс. н.э.

Хронологические рамки исследования охватывают первую половину I тыс. н.э. Нижняя граница определяется временем прекращения существования городецкой археологической культуры и появлением памятников типа Андреевка-Писералы. Верхняя хронологическая граница связана с финалом гуннского времени, когда на фоне общих изменений в Восточной Европе в регионе складывается культурная ситуация, существенно отличающаяся от предшествующего периода и требующая рассмотрения в ином культурно-историческом контексте.

Территориальные рамки формально ограничены пространством между реками Волга, Сура и Свияга до места наибольшего сближения последних. В административном плане это большая часть Чувашской Республики,

Горномарийский район Республики Марий Эл, часть Нижегородской области и Республики Татарстан. Де-факто география исследования ограничена территорией Чувашского плато – северной лесной частью ССМ, от которой отличается Присурский хвойный и Юго-Восточный районы, в которых практически не представлены памятники исследуемого периода.

Степень изученности. Древности ССМ I тыс. н.э. привлекали внимание исследователей с середины XIX в. и регулярно становились объектом более или менее подробного полевого и кабинетного изучения. С конца XIX в. с подачи В.А. Городцова [1900] всю совокупность археологических памятников эпохи железа (вплоть до болгарского периода) в рассматриваемом регионе и соседних областях (от бассейна Оки до Саратовского Поволжья) стали объединять в городецкую культуру. Развитие и «канонизация» этой концепции в 1950-1960-е гг. в трудах А.П.Смирнова и Н.В.Трубниковой [Смирнов А.П. 1952; 1961; Смирнов А.П., Трубникова. 1965] породили историографическую традицию, просуществовавшую, несмотря на отдельные попытки её пересмотра [Ледяйкин. 1971; Миронов. 1976], до 1990-х гг. Лишь в 2000-х гг. окончательно утвердилось мнение, что городецкая культура прекращает существование на рубеже н.э. [Матвеева Г.И. 2000а. С. 88; Вихляев. 2001. С. 61-62; Гришаков, Зубов. 2009. С. 72-73], но вплоть до самого последнего времени, применительно к памятникам I тыс. н.э. изучаемого региона, сохраняется термин «позднегородецкие». Сами эти памятники по-прежнему рассматриваются как некий единый массив, не разделяемый пространственно, хронологически и культурно, хотя еще с 1930-1960-х гг. утвердилось мнение о том, что, например, территория Нижнего Посурья, частично входящая в ССМ, являлась одним из центров формирования памятников писеральско-андреевского типа и частью ареала «древнемордовской» культуры [Ефименко. 1929; Трубникова. 1965в; Халиков. 1962; Степанов. 1962, 1964б; Смирнов А.П. 1961; Голубева. 1987]. Однако действенных критериев для разделения и внутренней периодизации «позднегородецких» памятников ССМ пока не предложено.

Существенные изменения в последнее время произошли в понимании процессов, происходивших в первой пол. I тыс. н.э. в Восточной Европе в целом. Для прилегающих к ССМ регионов в результате исследований 1990-2000-х гг., во-первых, была существенно дополнена картина развития археологических культур: выделены древности «позднескифского¹» типа («верхнедонские могильники и городища позднесарматского времени») в Верхнем Подонье [Медведев. 2008. С. 105-107, 114], Верхнем Поочье [Воронцов. 2013. С. 15-23], Саратовском [Хреков. 2006а], Самарском [Сташенков. 2005. С. 17-23;] и Симбирском [Вязов и др. 2014] Поволжье, позднезарубинецкие и киевские памятники в Прихопёрье (тип Шапкино-Инясево) [Хреков. 2006б. С. 151; Обломский. 2007а. С. 6] и Среднем Поволжье (тип Сиделькино-Тимяшево) [Сташенков. 2005. С. 24-44; Сташенков. 2007. С. 60-107; Сташенков. Шарифуллин. 2009], памятники типа Новая Беденьга

¹ Термин не подразумевает этнического определения [Воронцов. 2013. С. 15].

в Симбирском Поволжье [Вязов и др. 2012], обосновано существование раннего этапа именьковской культуры [Сташенков. 2010б]. Во-вторых, разработана серия локальных хронологических шкал, в большей или меньшей степени соотнесенных с хронологией центральноевропейских, причерноморских и позднесарматских древностей: для рязано-окских [Ахмедов. 2007; Белоцерковская. 2007], «древнемордовских» [Гришаков. 2008а] и вятских пьяноборских и азелинских могильников [Лещинская. 1995; 2012; 2014].

Цель исследования состоит в культурно-хронологической атрибуции археологических памятников ССМ первой пол. I тыс. н.э.

Для достижения заявленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Собрать и проанализировать имеющуюся источниковую базу и литературу по рассматриваемой проблеме, выделить основные этапы полевых и кабинетно-аналитических исследований памятников ССМ первой пол. I тыс. н.э.

2. Выявить опорные памятники, которые в силу своей изученности и/ или репрезентативности материала пригодны для культурно-хронологической атрибуции.

3. Построить систему относительной хронологии и периодизации археологических материалов на основе анализа закрытых и условно закрытых комплексов, выделить хронологические индикаторы для их абсолютного датирования и синхронизации с разработанными системами хронологии древностей первой половины I тыс. н.э. на соседних территориях.

4. Разработать типологию вещевого материала, отражающую развитие археологических культур и типов памятников.

5. Определить общие направления культурных связей, динамику и характер взаимодействия различных групп населения ССМ первой половины I тыс. н.э.

Источниковая база работы. На территории ССМ к настоящему моменту известно 216 памятников, условно относимых к первой половине I тыс. н.э. Раскопками разной площади (от 20 до 1500 кв. м) исследовано 40 из них (33 поселения и 7 могильников). В качестве опорных выбрано 16 памятников: 4 городища, 2 селища, 6 могильников, 1 клад, 3 местонахождения, а также 7 отдельных находок. На поселениях, раскопанных широкой площадью, получена представительная коллекция керамики и индивидуальных находок, включая три вещевых клада, изучены жилые строения, культовые объекты и др.

При написании работы были изучены археологические коллекции, хранящиеся в фондах ГИМ, МАРТ, НМ РМЭ, МарНИИ, УОКМ, ПГКМ, ЧНМ, АЭМ ЧГПУ, ЧГИГН, АКМ, Аликовского РЛКМ, Таутовской СОШ, а также архивные материалы, хранящиеся в научных архивах ИА РАН, ИИМК РАН, ЧГИГН и МАРТ².

² Автор благодарит Е.П. Михайлова, Н.С. Березину (ЧГИГН), Р.Ф. Воронину (ИА РАН), М.Ш. Галимову (ИА АН РТ) за возможность использовать неопубликованные материалы, а также И.Р. Ахмедова, И.В. Белоцерковскую (ГИМ), Д.В. Спрыжкова, А.В. Волкова (ЧНМ), Д.Ю. Ефремову (НМ РМЭ), А.В. Михеева (МарНИИ), М.Р. Гисматуллина (УОКМ), Г.И. Дроздову, А.Д. Шипилова (МАРТ), В.В. Ставицкого (ПГКМ) за содействие в работе с фондами.

В работе использованы результаты полевых исследований автора, проводившихся с 2009 г., в ходе которых получены новые материалы на Таутовском могильнике, открыт и активно исследуется Сендимиркинский могильник, обнаружены Конарское селище и Девлетгильдинское местонахождение, впервые выявлены поселения именьковской культуры в Чувашском Посурье. Материалы из раскопок прошлых лет (Иваньковский, Таутовский могильники, городища «Пичке Сърчэ», «Ножа Вар», Тиханкино I, ряд местонахождений и селищ) впервые вводится в научный оборот или перепубликуются в соответствии с современными требованиями.

В качестве сравнительных использовались археологические материалы сопредельных регионов Волго-Камья, а для более широких аналогий привлекались древности юга и запада Восточной Европы.

Методология и методы исследования. Исследование построено на принципах историзма, системности и научности. В диссертации применены сравнительно-исторический, типологический, картографический методы. При работе с вещевым комплексом использовался сравнительно-сопоставительный метод и метод подбора аналогий. При исследовании керамической посуды применялся метод технико-технологического анализа³. При систематизации керамического материала автор пытался соединить преимущества методики работы с фрагментированным материалом А.М. Обломского [Обломский. 2002] с разработками В.В. Гришакова по классификации целых форм поволжско-финской посуды [Гришаков. 1993].

Научная новизна работы заключается в попытке впервые с 1960-х гг. рассмотреть всю совокупность археологических материалов первой половины I тыс. н.э. ССМ с использованием современных исследовательских методик и с учетом последних концепций развития археологических культур лесной и лесостепной зон Восточной Европы. Проведен комплексный анализ топографии, домостроения, погребальных традиций и вещевого материала археологических памятников ССМ с привлечением накопленных за последние годы материалов. Впервые вводятся в научный оборот результаты собственных полевых исследований автора и ранее не опубликованные данные исследований прошлых лет. Прослежены этапы эволюции керамического комплекса, разработан рабочий вариант периодизации археологических памятников региона в I-V вв. н.э., выделены хронологические горизонты, определено направление основных миграций и культурных влияний. Развитие культуры населения ССМ показано во взаимосвязи с процессами, протекающими на соседних территориях.

Научно-практическая значимость работы состоит в том, что представленные в ней новые материалы и полученные выводы могут быть полезны для исследователей, специализирующихся в истории и археологии Восточной Европы первой половины I тыс. н.э.; результаты исследования могут быть использованы для написания историко-археологических и краеведческих

³ Автор выражает благодарность А.И. Михеевой за проделанную работу.

работ, учебных пособий и курсов для студентов ВУЗов исторических специальностей, создания тематических экспозиций в музеях, теле- и радиопередач, компьютерных презентаций и др.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Появление памятников типа Андреевка-Писералы второй половины I – первой половины II в. н.э. являются результатом сложного взаимодействия внешних мигрантов и местного компонента и имели более широкий ареал распространения в ССМ. Вопрос об истоках этой миграции и о местном субстрате, участвовавшем в процессе сложения писеральско-андреевского населения, остаётся открытым.

2. Переходными от памятников типа Андреевка-Писералы к «древнемордовской» культуре являются древности второй половины-конца II – первой половины III вв. н.э. типа «Сендимиркино-Таутово».

3. «Древнемордовская» культура в ССМ оформляется в III в. н.э. и, эволюционируя в русле общих тенденций ее развития с некоторыми локальными особенностями, продолжает существовать в регионе до VII-VIII вв. н.э.

4. Памятники именьковской культуры, распространившиеся в конце IV-V вв. н.э. на Свияге и Средней Суре на границе леса и лесостепи, и древности окских финнов, появившиеся в незначительных масштабах в лесной части региона в IV-V вв. н.э., являются следствием прямой миграции в ССМ инокультурного населения.

5. Развитие культуры населения лесной зоны ССМ происходило во взаимосвязи с культурными процессами в Восточной Европе в целом. В различные периоды прослеживается более или менее выраженное влияние с востока (пьяноборская, азелинская культуры), юга и юго-запада (позднесарматская, «позднескифская», позднезарубинецкая/киевская культуры), с запада (культура рязано-окских финнов).

Научная достоверность и апробация основных положений работы.

Достоверность работы обоснована количеством и качеством использованных источников, в том числе выявленных автором впервые, проанализированных всесторонне с использованием современных методов исследований.

Отдельные положения и выводы диссертации были представлены на научных конференциях и семинарах международного, всероссийского и регионального уровня в Чебоксарах (2007-2016 гг.), Самаре (2008 г.), Казани (2009 г., 2014 г., 2016 г.), Саранске (2011 г.), Перми (2011 г.), Пензе (2012 г.), Твери (2012 г.), Туле (2012 г.), Москве (2013 г.), неоднократно обсуждались на заседаниях НЦАИ им. А.Х. Халикова АН РТ и ЧГИГН. Основные положения работы изложены в 17 публикациях, три из которых в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, каждая из которых разделена на четыре параграфа, заключения, списка архивных

источников и использованной литературы, а также приложений, среди которых: список памятников, таблицы, диаграммы, иллюстрации.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы исследования, её хронологические и территориальные рамки, определены объект, предмет, цель и задачи работы, обозначена источниковая база, методика исследования, научная новизна и практическая значимость исследования, сформулированы основные положения, выносимые на защиту.

Глава 1. История изучения археологических памятников первой половины I тыс. н.э. Сурско-Свияжского междуречья.

По методам, масштабам, организационным формам полевых исследований и господствующим в историографии концепциям, в изучении памятников первой половины I тыс. н.э. в ССМ могут быть выделены четыре периода: 1) 1850-е – 1920-е гг.; 2) 1920-е – 1950-е гг.; 3) 1950-е – 1970-е гг.; 4) 1970-е гг. – настоящее время.

1.1. Первые исследования и попытки интерпретации (1850-е – 1920-е гг.). Самые ранние упоминания о городищах, содержащих слои I тыс. н.э. связаны с именем С.М. Михайлова и относятся к 1850-м гг. Наибольшую роль в выявлении памятников археологии сыграли такие краеведы и ученые, как В.К. Магницкий, Н.А. Архангельский, И.А. Износков, Г.А. Ахмаров и др. Информация о памятниках I тыс. н.э. на территории ССМ содержится также у С.М. Шпилевского и В.Н. Поливанова. Первый опыт научных раскопок в ССМ связан с именем казанского антрополога М.М. Хомякова.

Интерпретация большинства городищ основывалась на легендарных сведениях или данных письменных источников, что заставляло относить памятники к позднему средневековью и даже Новому времени. Однако, уже в 1880-е гг. был открыт ключевой для понимания истории региона I тыс. н.э. памятник – Ивановский могильник, а в конце 1890-х гг. был обнаружен Тиханкинский клад, датированный В.И. Сизовым концом V-VI вв. Наиболее важными в историографическом плане оказались раскопки на Нижней Суре Сергачских могильников «Кожина слобода» и «Святой Ключ», отнесенных к кошибеевскому типу и датированных VI-VII вв. и выделение на Оке памятников городецкого типа, которые, впрочем, не были признаны археологическим сообществом.

1.2. Начало профессиональных исследований и появление концепции городецкой культуры (1920-е гг. – 1950-е гг.). Данный период может быть разделен на два этапа, рубежной датой которых является середина 1930-х гг.

1920-е – 1930-е гг. связаны с проведением первых профессиональных широких рекогносцировочных экспедиций (СВЭЛЭ (1926-1927 гг.) и САЭ (1930 г.) ГАИМК, АКЭ (1926-1929 гг.)) под руководством археологов из Казани,

Ленинграда и Москвы (М.В. Воеводский, Е.И. Горюнова, П.П. Ефименко, Б.С. Жуков, В.Ф. Смолин, П.Н. Третьяков).

Первоначально исследователи придерживались устоявшегося мнения в интерпретации памятников. Так, В.Ф. Смолин, открывший и исследовавший ряд городищ I тыс. н.э. по Нижнему Цивилю, в рамках концепции А.А. Спицина, отнес их к дьякову типу VI-VIII вв., а П.П. Ефименко, вслед за В.К. Магницким и Н.А. Архангельским, считал, что большинство городищ чувашского края являются «укрепленными убежищами» чувашского населения и относятся к XVI-XVII вв.

В то же время была высказана гипотеза о миграции пьяноборского населения на Оку (Кошибеевский могильник) через территорию ССМ, где П.П. Ефименко выявил находки пьяноборского круга⁴. Ивановский могильник, на котором в 1926 г. было изучено 19 погребений, был отнесен к мордовским древностям III-VII вв. При этом и П.П. Ефименко, и П.Н. Третьяков отметили его чрезвычайную близость к культуре рязано-окских могильников.

С 1930 г. вплоть до 1950-х гг. полевые исследования памятников I тыс. н.э. в ССМ приостановились, в стране произошел разгром палеоэтнологической школы и краеведческого движения, началось формирование новой марксистской археологии, основанной на принципах стадильности и крайнего автохтонизма (марризм). П.П. Ефименко вынужден был отказаться от миграционной теории происхождения рязано-окского населения, а П.Н. Третьяков и А.П. Смирнов обосновали теорию происхождения «финно-угорских племен» Западного Поволжья на основе культуры городищ с рогожной керамикой.

Существенным шагом в дальнейшем изучении памятников ССМ на рассматриваемом этапе стало признание своеобразия городецкого культурного типа, датированного теперь VII в. до н.э. – IV-V в. н.э. В ареал распространения городецких древностей была частично включена территория ССМ.

1.3. Становление систематических исследований, оформление концепции городецкой культуры и её критика (1950-е – 1970-е гг.). Данный период является наиболее значимым по масштабам полевых исследований, организационно связанных с работами АЭ СГПИ (1950, 1952, 1954, 1956 гг.), ЧАЭ и МАЭ (с 1956 г.), АЭ КФАН (в Предволжье, в 1950, 1957, 1960 гг.), Поволжской (1962-1968 гг.) и Чебоксарской (1969-1973 гг.) экспедиций ИА АН СССР. Под руководством таких археологов, как Г.А. Архипов, Е.А. Безухова (Халикова), Н.Ф. Калинин, В.Ф. Каховский, П.Н. Старостин, П.Д. Степанов, Н.В. Трубникова, Г.А. Федоров-Давыдов, А.Х. Халиков, Р.В. Чубарова, были открыты сотни новых археологических памятников первой половины I тыс. н.э., а десятки из них раскопаны широкими площадями.

Наиболее важный вклад в изучение памятников I-V вв. н.э. внес отряд ЧАЭ под руководством Н.В. Трубниковой, исследовавший городища «Пичке Сърчэ» (1958, 1960 гг.), «Ножа Вар» (1958-1959 гг.), Тиханкино I (1961 г.), Таутовский

⁴ П.Н. Третьяков отмечал у д. Яндашево пьяноборский могильник.

(1956 г.) и Иваньковский (1957, 1969 гг.) могильники. На основании новых материалов Н.В. Трубникова совместно с А.П. Смирновым уточнила концепцию развития городецкой культуры. ССМ было включено в северо-восточный (северный) её вариант (32 городища и 8 могильников⁵). Был выделен поздний этап культуры (рубеж эр – IV-V вв. н.э.), который сильно отличался от раннего по большинству признаков. Городецкая культура признавалась автохтонной финно-угорской.

А.Х. Халиков и Г.А. Архипов, соглашаясь с концепцией позднегородецкой культуры, выдвинули гипотезу, согласно которой это население в IV-V вв. н.э. вступает в контакт с азелинскими племенами, заложив начало марийской народности, о чем, по их мнению, свидетельствуют материалы ряда городищ (в том числе и ССМ) и Мл. Ахмыловского могильника, изученных МАЭ в 1950-х гг.

Концепция развития культур Поволжья и Прикамья, созданная А.П. Смирновым еще в конце предыдущего периода, на данном этапе вступила в противоречие с новым археологическим материалом. Предпринимаются попытки её пересмотра. В отдельную, отличную от городецкой, культуру были выделены памятники западной части ТАССР и Среднего Посурья. Эта культура получила наименование именьковской и первоначально связывалась с буртаским, тюркским или угро-мадьярским населением.

Ключевым для сепарации позднегородецких древностей стало открытие своеобразной группы памятников типа Писеральских и Андреевского курганов, датированных, соответственно, II-III вв. н.э. и временем до рубежа н.э. – I-II вв. н.э. В культуре населения, оставившего Андреевский курган, П.Д. Степанов выделял сарматский, пьяноборский, городецкий и «древнемордовский» элементы, а А.Х. Халиков считал, что Писеральские курганы оставлены носителями пьяноборской культуры и выделил целый ряд находок данного горизонта от Суры до Казанского Поволжья.

В 1969-1972 гг. Н.В. Трубниковой и Р.Ф. Ворониной были продолжены раскопки Иваньковского могильника (73 погр.). Могильник, вслед за предшественниками, был отнесен к мордовским древностям, однако отмечалось, что материалы из Иваньково не образуют устойчивых «древнемордовских» вещевых комплексов, а в погребальном обряде весьма велика доля кремаций.

1.4. Снижение полевой активности и формирование альтернативных концепций (1970-е гг. – настоящее время). Современный этап изучения памятников I-V вв. н.э. характеризуется некоторым сокращением полевой исследовательской работы и усилением кабинетно-аналитической. В ходе разведывательных работ Т.Б. Никитиной, Д.Ю. Ефремовой, (МАЭ), Б.В. Каховского и В.Ф. Каховского, Е.П. Михайлова, Н.С. Березиной, Н.С. Мясникова (ЧАЭ) и др. был открыт ряд новых памятников. Небольшие раскопки проводятся В.С. Патрушевым (городища Карабашское, «Малахай»), Г.А. Архиповым, А.И.

⁵ Ныне относимые к писеральско-андреевским памятникам, «древнемордовской» и акозинской культурам.

Шадриним, А.В. Михеевым (Климкинские курганы) и автором (Сендимиркинский могильник).

Дискуссия о позднем этапе городецкой культуры прекращается со смертью А.П. Смирнова. Утверждается точка зрения о прекращении её существования к первым векам н.э., а связь её с последующими древностями признаётся требующей дополнительного обоснования. В ходе развития концепции «древнемордовской» культуры такие памятники ССМ, как Таутовский, Сергачский, Ивановский могильники и городище «Ножа Вар», включаются в её ареал. Некоторое своеобразие и территориальная изолированность «мордовских» памятников Нижнего Посурья, позволили ряду ученых выделить их в отдельный локальный вариант. Генезис «древнемарийской» культуры связывается теперь не с «позднегородецкой» культурой Марийско-Чувашского Поволжья, а с миграциями на восток рязано-окского населения в V-VII вв. н.э., оставившими памятники типа Безводное-Мл. Ахмылово.

Состоялось признание своеобразия памятников типа Андреевка-Писералы, а накопление новых данных и полная публикация старых позволили перейти к обобщающим исследованиям. Была определена узкая хронология данного культурно-исторического феномена (середина I – II вв. н.э.). Были выдвинуты новые гипотезы происхождения населения, оставившего эти памятники: его связывают с миграцией сарматского, саргатского либо пшеворо-зарубинецкого населения, при наличии местного (городецкого, пьяноборского) субстрата. Андреевско-писеральские древности рассматриваются как основа сложения культуры рязано-окских могильников и «древнемордовской» культуры. Гипотеза В.В. Гришакова о наличии переходного этапа между андреевско-писеральскими и «древнемордовскими» памятниками была подтверждена автором на основе изучения материалов Таутовского и вновь открытого Сендимиркинского могильников.

В непосредственной близости от ССМ были выделены «позднескифские» древности, памятники типа Шапкино-Инясево, Сиделькино-Тимяшево, Лбище, Новая Беденьга и др.

Глава 2. Памятники типа Андреевка-Писералы.

2.1. Характеристика памятников. К данной группе были отнесены 19 памятников, включая отдельные находки. Опорными для неё являются Климкинский и Писеральский курганные могильники, городища «Пичке Сърчѣ» и Тиханкинское I.

Разрозненное размещение памятников не позволяет выявить особенности их взаиморасположения и топографии. Можно лишь отметить, что они тяготеют к долинам малых рек, городища занимают мысовидные уступы, а курганные могильники – на краю коренных террас.

Фортификация городищ состоит из типичных для лесной зоны дерево-земляных укреплений. Сходство с памятниками лесной зоны демонстрирует и археозоологический комплекс городища «Пичке Сърчѣ», характеризующийся

большой долей костей лошади. Постройки, изученные на городищах, представляли собой прямоугольные каркасно-столбовые конструкции размерами 4x8, 4-6x10 м с очагами открытого типа в виде 1-2 небольших углублений в центральной части постройки, обложенных камнем. Подобные постройки находят ближайšie аналогии в материалах позднего этапа дьяковской культуры, городецкой в ее донском варианте, зарубинецкой, позднеохновской культурами, памятниками типа Упа 2 и вероятно связаны с традициями лесостепи Восточной Европы.

Климкинский и Писеральский могильники отличает небольшое количество захоронений (28 и 21 соответственно), совершенных по 4-12 погребений под небольшими округлыми или овальными насыпями. Климкинский могильник является курганно-грунтовым. Размещение погребений под насыпью в большинстве случаев радиальное относительно основного захоронения; в Климкинском 1 кургане – рядное. Форма могильных ям подовальная и прямоугольная с закругленными углами, размеры 142-295 см в длину, 45-110 см в ширину при глубине 15-90 см. Характерной особенностью является наличие погребений на уровне дневной поверхности (8 погр.). В ряде случаев отмечена песчаная подсыпка дна могилы, подстилка из коры, шкур, часто – обкладка деревянными плашками. Погребальный обряд представлен исключительно труположениями в вытянутом положении на спине. Вещи находились в порядке ношения. Известен единственный случай размещения в могиле жертвенного комплекса в виде свернутого в изголовье пояса. Глиняная посуда отсутствует. Погребальный обряд Писеральского и Климкинского могильников, при существенных отличиях, имеет ряд общих черт с ранними захоронениями Андреевского кургана (несколько могил в кургане, расположенных вокруг центрального, наличие деревянных настилов, облицовка стен деревом, столбики по контуру могилы, заплечики) и, вероятно, одни истоки. Специфические черты андреевской погребальной обрядности находят аналогии в погребальной обрядности Подонья скифского времени, реминисценции которой прослежены здесь и в первые века н.э.

2.2. Вещевой материал. В хронологическом плане показательны узко датированные вещи I-II вв. н.э.: полихромные бусы типов 249 и 395 по Е.М. Алексеевой, золотостеклянные бусы, застежки с миндалевидной рамкой, литые сюльгамы с цилиндрическими концами, застежки с неподвижным крючком и эполетообразные, пряжки с расширенными язычками, дериват восьмерковидной провинциально-римской пряжки (тип U по К. Раддату, типы A13-14 по Р. Мадыда-Легутко), наконечники копий с продольным ребром, двушипные с оттянутыми жальцами и мелкие трехлопастные наконечники стрел, стержневидные псалии с округлым расширением на концах, серповидные и горбатые ножи, а также отсутствие усеченно-биконических пряслиц.

Для культурной атрибуции важны те предметы костюма, которые отличают население, оставившее памятники типа Андреевка-Писералы от синхронных культур региона, в частности, от пьяноборской. Это спиральные височные кольца,

прямоугольные ажурные нагрудные застёжки, обычай использовать зеркальные бляхи из золотистой бронзы в качестве украшения ножен мечей и кинжалов, поясные кисти, разделенные на узкие ремешки, обжатые обоймами и пронизаны с сапожковидными подвесками или гофрированными трубицами с расширением на конце (вероятно, также и лапчатыми подвесками, подвесками-«псевдоцикадами»), широкое использование застёжек с пуговковидными выступами и приостренной дужкой в нижней части рамки, поясные широколопастные подвески-наконечники с овальной петлей и прямоугольной обоймой.

2.3. Керамическая посуда. Керамический комплекс городищ «Пичке Сърчѐ» и Тиханкино I, находит полные аналогии в материалах Андреевского кургана и характеризуется преобладанием слабопрофилированных горшков и банок с подцилиндрическим туловом низких пропорций, слабопрофилированных мисок высоких пропорций, бокаловидных и чашевидных сосудов усеченно-конической и усеченно-сфероконических форм, наличием грубых шамотных примесей в тесте, небрежной обработкой поверхности сосудов, крайне редким применением орнаментации. Мнение о связи данного комплекса с керамикой городецкой культуры пока не подтверждается технико-технологическим и сравнительным анализом, вопрос о её истоках остается открытым.

2.4. Культурно-хронологическая атрибуция. Горизонт в целом может быть датирован второй половиной I – первой половиной II вв. н.э.

Имеющиеся данные пока не позволяют однозначно решить вопрос о происхождении населения, оставившего памятники типа Андреевка-Писералы. Пока можно лишь констатировать, что их генезис связан с взаимодействием как местного, так и пришлого этнокультурных компонентов. Саргатские аналогии [Гришаков, Зубов. 2009; Зубов. 2011] представляются не очень убедительными. Погребальный обряд, домостроительство и наличие импортных вещей являются свидетельством инокультурного участия в генезисе рассматриваемого населения, а вероятные его истоки, скорее всего, следует искать на юго-западе от рассматриваемой территории (скифоидные / «позднескифские», раннесарматские древности Верхнего и Среднего Подонья и далее). Местный компонент находит наибольшее число аналогий в пьяноборских материалах при некоторой устойчивой специфике. На наш взгляд, это может быть объяснено их общим происхождением и вероятными носителями местных традиций могли быть потомки культур ССМ раннего железного века (постананьинское/ постакозинское/ постахмыловское население). Территория ССМ (конкретно – Нижнее Посурье) представляется своеобразным центром распространения этой новой традиции, с которой берёт начало развитие «древнемордовской» культуры и культуры рязано-окских могильников.

Глава 3. Памятники типа Сендимиркино-Таутово.

3.1. Характеристика памятников. Число памятников этого горизонта пока крайне ограничено, кроме Сендимиркинского (23 погр.) и Таутовского (1 погр.) могильников к нему можно отнести отдельные находки с городища «Ножа Вар» и

Сергачский могильник «Кожина Слобода», расположенный за пределами ССМ и не рассматриваемый в работе.

Таутовский могильник находится на краю коренного берега малой реки, Сендимиркинский – на мысовидном уступе у истоков ручья. Погребения Сендимиркинского могильника⁶ имеют рядное расположение, ориентированы головой на ЮЮВ (в Таутово – головой на С). Форма могильных ям подовальная и прямоугольная с закругленными углами, ямы сильно вытянутые. Длина их 120-370 см, ширина 50-95 см, глубина 50-250 см. Особенностью Сендимиркинского могильника является отсутствие достоверно мужских комплексов и наличие центрального ряда погребений с наиболее крупными могильными ямами и выразительным инвентарём. Захоронения совершены по обряду труположения, в вытянутом положении на спине⁷. Вещи располагались в порядке ношения. Известен жертвенный комплекс, состоящий из украшений и орудий труда в изголовье женского погребения. Глиняные сосуды были зафиксированы в большинстве изученных погребений, чаще всего в изголовье.

3.2. Вещевой материал. В хронологическом плане важными являются золотостеклянные бусы римского времени, бусы типа 393 и 415 по Е.М. Алексеевой (не старше II в. н.э.), лунница круга восточноевропейских выемчатых эмалей (первая половина III в. н.э.), дериват провинциально-римской пряжки (тип 4 укороченных «дугоконечных» пряжек по А.А.Труфанову) (вторая половина II – первая половина III в. н.э.), ременная гарнитура позднесарматского облика (III в. н.э.). Показательно появление усеченно-биконических пряслиц. Найдены характерные для предыдущего горизонта палаш с антенновидным навершием, наконечник копья с осевым ребром, двушипный наконечник стрелы, удила со стержневидными псалиями. Прослеживается редкое использование отдельных вещей пьяноборского облика (обувная пряжка (погр. 7), прямоугольная бляха-нагрудник (погр. 1), мелкие бляшки с петлями и планками на обороте, поясная накладка (погр. 1), застежки (погр. 16), бронзовая сьюльгама треугольного сечения, застежка с неподвижным крючком. С ним же связана практика широкого использования зеркальных бляшек в костюме, особенно в составе поясных кистей, что находит аналогии и на памятниках селиксенского типа. Новыми категориями вещей являются затылочные ленты с лопастевидными подвесками, круглые бляхи с 1-3 валиками на лицевой стороне, используемые парно в составе головного убора на затылке и в качестве нагрудного украшения, спиральные перстни, браслеты с лопастевидными, заходящими друг за друга концами, имеющие аналогии в материалах I этапа «древнемордовской» культуры.

3.3. Керамическая посуда. Продолжает существовать большинство форм керамических сосудов предшествующего этапа при сохранении грубых шамотных примесей в тесте, небрежной обработки поверхности и крайне редкой орнаментации. Изменения в керамическом комплексе проявляется в увеличении

⁶ В Таутовском могильнике раскопано всего одно погребение. Остальные находки представлены сборами с поверхности уже разрушенного памятника.

⁷ Не исключено, что погребение 3 являлось кенотафом.

степени профилированности сосудов, значительная часть которых имеет плавно выгнутые формы с выраженным плечиком, отогнутым наружу невысоким венчиком, появлении новых типов посуды – горшков высоких пропорций, горшков с выделенным ребром, небольших профилированных мисок и мискообразных сосудов, в том числе с лощением, происхождение которых, вероятно, можно связывать с керамической традицией памятников лесостепи – «позднескифских», позднезарубинецких/киевских.

3.4. Культурно-хронологическая атрибуция. Вещевой комплекс памятников ССМ типа Сендимиркино-Таутово синхронны и культурно близки ранним «древнемордовским» могильникам Верхней Суры и Мокши 1-го этапа по В.В. Гришакову. Дата этих могильников, уточнена И.Р.Ахмедовым, – вторая половина-конец II – первая половина III вв. н.э. При этом в Сендимиркинском могильнике содержится ряд артефактов, неизвестных ни в памятниках типа Писералы-Андреевка, ни в могильниках «селиксенского» типа, ни в пьяноборской культуре (височные подвески листовидной формы, нагрудная бляха с орнаментом из концентрических кружков), что свидетельствует о локальной своеобразии формирующейся культуры. Височные подвески с грузиком, обнаруженные в Сендимиркино и Таутово, также отличаются от типичных «древнемордовских».

Глава 4 «Древнемордовская» культура.

4.1. Характеристика памятников. Опорными памятниками «древнемордовской» культуры на территории ССМ являются городище «Ножа Вар» и Иваньковский могильник (98 погр). Сюда же относится Сергачский могильник «Святой Ключ», находящийся за пределами ССМ и не рассматриваемый в работе.

Городище «Ножа Вар» занимает мысовидный уступ, образованный рукавами небольших ручьев и имеет кольцевую систему валов с внутренними конструкциями, аналогичными описанным в главе 2. Жилые постройки, как и на городищах писеральско-андреевского горизонта, представляли собой наземные сооружения каркасно-столбовой конструкции размерами 4х6, 6х8, 6х6 м с очагами открытого типа. В постройке 2(?) найден клад женских украшений. Археозоологические материалы демонстрируют некоторое преобладание костных останков свиньи и лошади, что сближает городище «Ножа Вар» с позднедьяковскими памятниками и отличает от лесостепных культур. Интерес представляет коллективное захоронение трех человек, связанное, видимо, с моментом уничтожения городища.

Иваньковский могильник расположен на широком мысовидном уступе левого низкого коренного берега р. Сура. Погребения расположены рядами вдоль берега по линии с ЮЮЗ-ССВ. Ориентировка погребений в основном на СЗ-С. Выделяются участки с более плотным расположением погребений (центральный, северо-северо-западный участки). Форма и пропорции могильных ям разнообразны: 1) узкие прямоугольные с закругленными углами (ширина равна 1/4 длины); 2) прямоугольные с закругленными углами (ширина равна 1/2 длины);

3) овальные; 4) трапециевидные; 5) узкие прямоугольные с чашевидным углублением на дне; 6) округлые небольшие. Могильные ямы длиной 60-265, шириной 40-125, глубиной 35-200 см. Погребальный обряд также разнообразен: трупоположение вытянутое на спине (36 погр., в т.ч. 4 парных); трупосожжение на стороне, с перенесением небольшого количества останков в могилу (33 погр.); вторичные (11 погр.) и преднамеренно обезвреженные (1 погр.) захоронения; погребения со смешанным обрядом (элементы вышеперечисленных в разных сочетаниях) (5 погр.); кенотафы (12 погр.). В ряде погребений под костяками были прослежены остатки коры или луба, посыпка костяка слоем угля. Вещи располагались в порядке ношения, при трупосожжении и вторичном захоронении – без видимого порядка на уровне костей рядом с ними, на них и под ними. В нескольких комплексах были зафиксированы жертвенные комплексы с женскими украшениями, воткнутые в дно могильных ям топоры, в шести погребениях – глиняная посуда.

4.2. Вещевой материал. Хронология клада с городища «Ножа Вар» определяется концом III в. н.э. по сочетанию умбоновидной бляхи, звездчатых привесок, уточек «дубровичского» типа, наборного браслета с бусами. Ранняя дата Иваньковского могильника (начало IV в. н.э.) обоснована находкой лапчатой подвески и височной привески с биконическим грузиком в погребении 63 (первая половина IV в. н.э.). Комплекс второй половины IV в. – начала V в. н.э. (погр. 65) выделяется по сочетанию пряжек и поясных накладок и наличию пельтовидной лунницы. Концом IV – началом V вв. датируется погребение 67, в котором найдены биметаллическая с напускными бусами и бронзовая с сужающимися концами гривны, венчик и бляха с ромбической крышкой. К догуннскому времени относятся комплексы Иваньковского могильника, изученные П.П. Ефименко и содержащие золотостеклянные пронизи. Гуннским временем (конец IV – первая половина V в. н.э.) по характерной поясной гарнитуре можно датировать погребения 6, 10 (раскопки П.П. Ефименко), погребение 1957 г. (раскопки Н.В. Трубниковой), погребение 10, 15 (раскопки Р.Ф. Ворониной), по удилам с Г-образными псалиями – погребение 59. Второй половиной V – началом VI в. н.э. датируются погребения 55, 58, содержащие поздние варианты гривен с коробками. Большинство комплексов не датируются уже IV-V вв. н.э.⁸

Судя по характерным височным подвескам с грузиком и керамике, Иваньковский могильник можно отнести к «древнемордовской» культуре, однако, наличие в комплексах подвесок с шаровидными и каплевидными грузиками говорит об определенном своеобразии. К ранним «мордовским» типам наконечников относится и украшение из клада городища «Ножа Вар», а также традиция использования коробчатых подвесок на ремешках в качестве поясных кистей, сюльгам с обоймами в составе пояса (погр. 10, Иваньково, раскопки П.П. Ефименко). Большинство вещей Иваньковского могильника характерны в целом

⁸ Поздний период существования могильника (VI-VII вв.) отмечают комплексы с сюльгами с короткими «усами», и серповидной гривной и находки 1957 г., датирующиеся VII-VIII вв. и не вошедшие в данную работу.

для волжско-финского мира – как для культуры рязано-окских могильников и древней «мордвы», так и ранних погребений Мл. Ахмыловского и Безводнинского могильников (коробчатые, бутыльчатые, трубчатые подвески, большинство типов гривен и браслетов, бляхи с крышкой).

4.3. Керамическая посуда городища «Ножа Вар» и Иваньковского могильника сохраняет присурские «древнемордовские» традиции, отмечаемые в комплексах предыдущих горизонтов (наличие в комплексе баночных форм, весомой доли горшков типа А15б по В.В.Гришакову, большое количество слабопрофилированных сосудов (47,7 %)). Часть сосудов, типа заглаженных профилированных мисок и высоких горшков, находит аналогии в материалах именьковской культуры и городища Лбище, «позднескифских», позднезарубинецких и киевских памятниках и, по-видимому, отражает южное влияние.

4.4. Культурно-хронологическая атрибуция. Датировка «древнемордовской» культуры в ССМ – III-VII вв. н.э. – совпадает с таковой в других ареалах ее распространения. Городище «Ножа Вар» в целом датируется III – рубежом IV-V вв. н.э., основная часть погребений Иваньковского могильника была совершена в IV-V вв. н.э. Вывод Р.Ф. Ворониной о том, что материалы памятника не образуют устойчивых «древнемордовских» комплексов вполне актуален: в составе накопителей нет умбоновидных блях, почти не представлены нагрудные бляхи (ранних типов нет вообще) и головные венчики, неустойчива форма височных подвесок. Погребальный обряд показывает большое разнообразие похоронных традиций, хотя в целом в «древнемордовской» культуре все перечисленные выше варианты обрядности встречаются. Необычен большой процент захоронений с кремацией, истоки которого пока не ясны. Отдельные категории находок свидетельствуют о связях с прикамскими (азелинская), южными (позднесарматская, именьковская), западными (рязано-окские финны) культурами. Собственно рязано-окским является, вероятно, и могильник на Криушской дюне.

В заключении подводятся итоги и излагаются выводы по теме исследования.

В ходе работы над темой диссертационного исследования с необходимой полнотой была собрана и проанализирована имеющаяся источниковая база и литература по рассматриваемой проблеме. Выявлено четыре последовательных этапа изучения археологических памятников первой половины I тыс. н.э. в Сурско-Свияжском междуречье: 1) 1850–1920-е гг.; 2) 1920–1950-е гг.; 3) 1950–1970-е гг.; 4) 1970-е гг. – настоящее время.

Использование методов картографирования, сравнительно-исторического, типологического и других позволило выявить в регионе древности, достоверно связываемые с первой пол. I тыс. н.э., среди которых выбрать опорные памятники, которые в силу своей изученности и/или репрезентативности материала пригодны для культурно-хронологической атрибуции.

На основе анализа закрытых и условно закрытых комплексов, разработки типологии вещевого материала указанных опорных памятников была построена их относительная хронология, а выделение хронологических индикаторов и синхронизация с древностями соседних регионов позволили определить абсолютные даты указанных памятников. В результате удалось построить рабочую периодизацию древностей региона, выявить последовательно сменяющие друг друга хронологические горизонты. На этой основе была выстроена схема культурогенеза населения лесной зоны ССМ, прослежены изменения в погребальном обряде и материальной культуре намечены основные направления контактов и миграций инокультурного населения на рассматриваемую территорию. В результате были получены следующие выводы.

Выделение так называемых «позднегородецких» памятников на территории ССМ представляется историографическим анахронизмом. Мы согласны с теми исследователями, кто считает, что связь городецких древностей с последующими, в том числе с писеральско-андреевскими, лишь декларируется [Гришаков. Зубов. 2009. С. 72]. В ССМ не выявлено древностей предшествующего периода, достоверно датируемых II-I вв. до н.э. – рубежом эр, как и вообще комплексов городецкой культуры с рогожной керамикой⁹. Исходя из этого само отнесение ССМ к области распространения городецкой культуры представляется необоснованным.

Сейчас из общего массива «позднегородецких» памятников ССМ стало возможно выделить памятники именьковской культуры, единично зафиксированные в Среднем Посурье и на Свяге, главным образом, в лесостепной части ССМ, на границе с зоной широколиственных лесов.

Памятники лесной зоны ССМ рассматриваемого периода представляют собой достаточно монолитный культурный массив. Анализ материалов опорных памятников убедительно продемонстрировал постепенную эволюцию материальной культуры населения этого региона в период с сер. I по V вв. н.э.

Начало нового периода в истории региона связано с появлением памятников типа Андреевка-Писералы во второй половине I в. н.э. – первой половине II в. н.э. Имеющиеся данные пока не позволяют однозначно решить вопрос о происхождении населения, оставившего памятники типа Андреевка-Писералы. Пока можно лишь констатировать, что их генезис связан с взаимодействием как местного, так и пришлого этнокультурных компонентов. Местный компонент находит наибольшее число аналогий в пьяноборских материалах при некоторой устойчивой специфике. На наш взгляд, это может быть объяснено их общим происхождением и вероятными носителями местных традиций могли быть потомки культур ССМ раннего железного века (постананьинское/ постакозинское/ постахмыловское население). Погребальный обряд, домостроительство и наличие импортных вещей и их дериватов являются

⁹ Единственным территориально близким памятником, в котором был найден сосуд с псевдорогожными отпечатками, является Андреевский 2 курган, однако время его возведения не совсем ясно [Гришаков, Зубов. 2009. Рис. 34: 2. С. 54-56].

свидетельством инокультурного участия в генезисе рассматриваемого населения, а вероятные его истоки находятся на юго-западе от рассматриваемой территории (скифоидные/«позднескифские», раннесарматские древности Подонья). Территория ССМ (конкретно – Нижнее Посурье) представляется своеобразным центром сложения новой традиции, с которой берёт начало развитие «древнемордовской» культуры и культуры рязано-окских могильников.

Прямым продолжением андреевско-писеральских древностей являются памятники типа Сендимиркино-Таутово второй половины II – первой половины III в. н.э. В это время распространяется обряд погребения в грунтовых могильниках с рядовой планировкой. Материальная культура демонстрирует как сохранение и дальнейшее развитие андреевско-писеральских традиций, так и появление новых форм керамической посуды и вещей, связанных с южным («позднескифской», позднезарубинецкой/киевской культур и сарматского мира) и северо-восточным влиянием (пьяноборская культура, особенно вятский (предазелинский) её вариант). Наибольшую близость рассматриваемая группа памятников демонстрирует с ранним этапом культуры «древнемордовских» памятников т.н. «селиксенского» типа на Верхней Суре и Мокше, при определенном локальном своеобразии некоторых типов вещей (особенно височных подвесок) и погребальной обрядности.

Окончательное оформление «древнемордовской» культуры в регионе отражено в древностях типа городища «Ножа Вар» и Иваньковского могильника. В целом культура формируется к середине III в. н.э., переживает V в. н.э. и существует в регионе, судя по материалам Иваньковского могильника, до VII-VIII вв. Керамика и вещевые комплексы (особенно височные подвески) убедительно демонстрируют принадлежность памятников к указанной культурной традиции, а наличие своеобразных типов височных привесок, отсутствие важных культуродиагностирующих находок, высокий процент кремаций свидетельствуют в пользу локального своеобразия ее нижнесурского варианта. Отдельные вещи свидетельствуют о связи «древнемордовского» населения ССМ с именьковскими и позднесарматскими древностями, прикамским миром, с культурой рязано-окских могильников. Вероятно, с последней связано погребение на Криушской дюне, а с V в. н.э. прямые миграции фиксируются и в устье Ветлуги по материалам Мл. Ахмыловского могильника.

Большинство памятников региона пока достаточно условно отнесённые к «древнемарийским» или «позднегородецким» древностям I тыс. н.э. нуждаются в дополнительном полевом изучении для более точной интерпретации. Предварительные исследования говорят о возможности выделить в будущем из комплекса памятников ССМ, особенно в лесостепной зоне и другие культурные традиции.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, определенных ВАК при Минобрнауки РФ:

1. Мясников Н.С. Современное состояние изучения археологических памятников I-VIII вв. н.э. в Чувашском Поволжье: итоги и перспективы // Вестник Чувашского университета. – 2011. – № 4. – С. 69-77 (1,2 п.л.).

2. Мясников Н.С. Исследования Таутовского могильника в 2011 г. // Казанская наука. – 2012. – №3. – С. 27-34 (0,7 п.л.).

3. Мясников Н.С. Керамические грузила и пряслица городища Пичке Сърчѐ (к вопросу о развитии прядения и ткачества в Нижнем Присурье в первые века н.э.) // Вестник Удмуртского университета. – 2013. – Вып. 1. – С. 119-124 (0,7 п.л.).

статьи и публикации в других научных изданиях:

4. Мясников Н.С. К вопросу об оборонительных сооружениях городищ раннего железного века на территории Чувашии // XI международная Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция: Материалы и тезисы докладов. – Самара: Изд-во СГПУ, 2008. – С. 15-18 (0,2 п.л.).

5. Мясников Н.С., Ефимов Е.Л. Новые археологические материалы Таутовского грунтового могильника железного века в Чувашии // Древняя и средневековая археология Волго-Камья. Сборник статей к 70-летию П.Н. Старостина. – АЕС – Вып. 10. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – С. 106-111 (0,3 п.л.).

6. Мясников Н.С. Комплекс керамической посуды I-III вв. н.э. городища «Пичке Сарче» в Нижнем Присурье // III Всероссийская научная конференция «Поволжские финны и их соседи в древности и средние века», 30 ноября 2011 г.: материалы. – Саранск: МГПИ, 2011. – С. 35–44 (0,8 п.л.).

7. Мясников Н.С. Исследования археологических памятников в Алатырском и Порецком районах (по материалам разведок 2009 г.) // Чувашская археология. – Вып. 1. – Чебоксары: ЧГИГН, 2012. – С. 328-344 (1 п.л.).

8. Мясников Н.С. Городище Пичке Сарче: к вопросу об историко-культурной интерпретации // Труды КАЭЭ. – Вып. 8. – Пермь, 2012. – С. 167-176 (1 п.л.).

9. Мясников Н.С. Таутовский могильник железного века в Чувашии в контексте древнемордовской культуры // Тверской археологический сборник. – Вып. 9. – Материалы 13-го-15-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». – Тверь: «Триада», 2013. – С. 436-444 (0,6 п.л.).

10. Мясников Н.С. Этнокультурные процессы в Чувашском Поволжье в I-VIII вв. н.э. в свете археологических данных. – Научные доклады ЧГИГН. – Вып. 13. – Чебоксары: ЧГИГН, 2013. – 72 с (4 п.л.).

11. Мясников Н.С. Еще раз о погребении № 3 Таутовского могильника // Археология Восточноевропейской лесостепи. – Пенза: ПИРО, 2013. – Вып. 3. – С. 220-226 (0,5 п.л.).

12. Михайлов Е.П., Березина Н.С., Березин А.Ю., Кузьминых С.В., Мясников Н.С., Каховский В.Ф., Каховский Б.В. Археологическая карта

Чувашской Республики: научно-справочное издание. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2013. – 304 с. (35,3 п.л.).

13. Гришаков В.В., Давыдов С.Д., Михайлов Е.П., Седышев О.В., Мясников Н.С. Сендимиркинский могильник – новый памятник первой четверти I тыс. н.э. в Северной части Сурско-Свияжского междуречья // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II. Казань: Отечество, 2014. С. 320-323 (0,25 п.л.).

14. Михайлов Е.П., Березина Н.С., Березин А.Ю., Кузьминых С.В., Мясников Н.С., Каховский В.Ф., Каховский Б.В. Археологическая карта Чувашской Республики: научно-справочное издание. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2014. – 312 с. (36,2 п.л.).

15. Михайлов Е.П., Березина Н.С., Березин А.Ю., Кузьминых С.В., Мясников Н.С., Каховский В.Ф., Каховский Б.В. Археологическая карта Чувашской Республики: научно-справочное издание. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2014. – 367 с. (42,8 п.л.).

16. Михайлов Е.П., Мясников Н.С., Березина Н.С. Сендимиркинский грунтовый могильник – новый памятник конца раннего железного века в Чувашском Поволжье (по материалам исследований 2012 г.) // Чувашская археология. – Вып. 2. – Чебоксары: ЧГИГН, 2015. – С. 54-78 (1,4 п.л.).

17. Михайлов Е.П., Березина Н.С., Мясников Н.С. Археологические памятники Чувашского Поволжья: некоторые итоги и задачи изучения. Научные доклады ЧГИГН. Вып. 22. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. – 64 с. (3 п.л.).

Мясников Николай Станиславович

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н.Э.
СУРСКО-СВИЯЖСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Подписано в печать 01.04.2016. Формат 60x84 ¹/₁₆

Гарнитура «Times». Бумага офсетная.

Печать оперативная. Усл. печ.л. 1,3.

Тираж 120 экз. Заказ № 12.

Отпечатано в РИО БНУ

«Чувашский государственный институт гуманитарных наук»:
428015, г. Чебоксары, Московский пр-т, д. 29, к. 1.